

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 11-го октября 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9810.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВЕСНА.

(Переводъ съ чешскаго).

Много недѣль просидѣлъ я въ своєй комнатѣ и только изъ окна смотрѣлъ на Божій міръ, на сѣреое весеннее небо, на сердито бушующее море и на вершины финиковыхъ пальмъ—ихъ больше листья, колеблемые вѣтромъ, отливали блѣдно-золотистымъ цвѣтомъ; вдали, сквозь легкій, прозрачный туманъ, виднѣлись золотыя лимонныя и апельсиновыя рощи, а за ними, далеко-далеко на горизонтѣ вырисовывались расплывчатые контуры высокихъ горъ. Безконечно длинными мартовскими ночами злобно завывало глубокое море; его высокія волны неутомимо подтачивали скалистые берега, ударяясь о нихъ съ такою силою, что потрясали домъ до самаго его основанія; бурные порывы вѣтра съ дикимъ ревомъ проносились надъ моей террасой, со вздохами и стонами бросались въ море и тамъ, въ глубинѣ его, замирали. По утрамъ жалобно кричали рѣющиа надъ волнами чайки, да удѣли пароходы въ маленькому Соррентскомъ заливѣ.

Весна пришла.

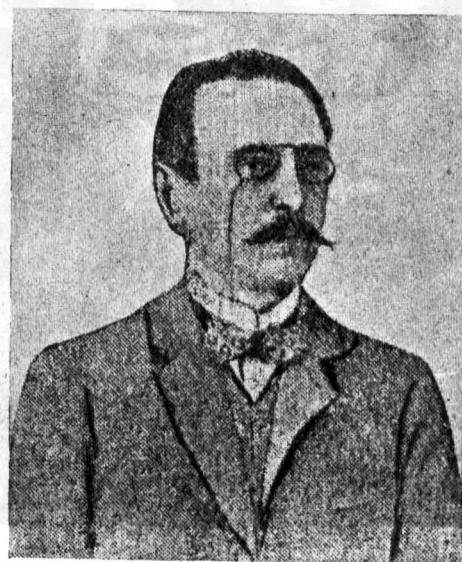
Терпѣливо ждалъ я возстановленія моихъ силъ и мечталъ о тѣхъ чудесахъ, которыя такъ давно манили меня туда,—къ веснѣ,—вонъ изъ этихъ высокихъ стѣнъ, въ поля, луга и рощи Сорренто.

По временамъ въ мое открытое окно залетали розовые лепестки и даже цѣлья вѣточки цвѣтушихъ персиковъ и дикихъ лиловыхъ левкоевъ; вѣтромъ же доносилось до меня ихъ чарующее благоуханіе съ крутыхъ, скалистыхъ береговъ залива. Долетали до меня и ярко красные, огненные лепестки камелій, предъ которыми блѣднѣеть и тускнѣеть самый яркій пурпуръ, и прелестный запахъ цвѣтущаго миндального дерева, словно позолоченаго багряными лучами заходящаго солнца. Въ тѣ часы ожидала, конечно, моя грустная комната; она свѣтлѣла, играя самыми разнообразными оттенками, а распустившіеся цвѣты пѣли мнѣ пѣснь любви и весны, такъ давно и такъ страстно ожидающей весны.

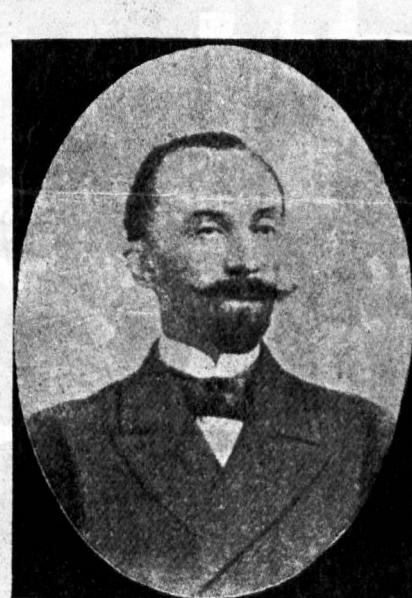
О, какъ жаждалъ я этой весны, настоящей итальянской весны, которую воспѣваютъ поэты! Я мечталъ о ней столько лѣтъ моей жизни, мечталъ, какъ о чудѣ изъ чудесъ, и она стала для меня средоточіемъ всѣхъ моихъ мыслей, всѣхъ моихъ желаній и стремленій.

И вотъ, насталъ, наконецъ, день, когда терпѣніе мое истощилось—долѣше ждать я не былъ въ состояніи, я всталъ съ постели и вышелъ изъ комнаты съ твердымъ убѣжденіемъ, что найду эту воспѣваемую поэтами итальянскую весну.

Утро было свѣтлое, ясное, но жаркое и душное; дулъ сирокко въ этотъ день. Бухта Неаполя была туманна и

А. Б. Бродскій,
избранный членомъ Государственной Думы
отъ Одессы.

С. Г. Коваленскій,
сенаторъ, скончавшійся 17 сентября
въ Петербургѣ.

походила на корзину великаны, наполненную мыльными пузырями цвѣта опала.

Везувій не дымился; онъ только тлѣлъ, и крупные куски сажи, разлетаясь по вѣтру, достигали Помпеи.

Весь берегъ бухты, застроенный цѣльными городками и отдаленно стоящими домами, казался старой, уже поломанной и разсыпавшейся гипсовой игрушкой, изображавшей когда-то дѣтскій городокъ.

Сквозь стекловидную вуаль паровъ, отливая розовымъ цвѣтомъ, виднѣлся Неаполь; Капри, Процида и Искія, казалось, вынырнули изъ глубины моря и тумана и своими безформенными тѣлами напоминали миѳическихъ лев-афановъ.

Отъ Меты до Капо-ди-Монте мерцалъ серебристый берегъ Сорренто съ его искривленной и всюду надтреснутой скалистой стѣной, надъ которой зеле-

нѣлъ поясъ апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ, и блестѣла группа бѣлыхъ домиковъ.

На узкихъ террасахъ, расположенныхъ вдоль отлогихъ морскихъ береговъ, въ расщелинахъ и углубленіяхъ росла рѣдкая, тощая травка; то тутъ, то тамъ дикіе левкои нарушили сѣрий фонъ скалъ, да кое-гдѣ росли печальныя низкорослые и искривленные финиковые пальмы и масличные деревья; прислонившись къ высокому откосу горы, онъ словно искалъ у нея защиты отъ вѣтра, непогоды и волнъ.

Нѣтъ, здѣсь не было весны.

Я поднялся вверхъ, чтобы добраться до моря. Глубоко прорытая дорожки, напоминавшія каналы, были огорожены съ обѣихъ сторонъ высокими каменными стѣнами, какъ бы для того, чтобы предохранять сады отъ обваловъ земли; рѣзкая сырость и прохлада охватили все мое тѣло; осмотрѣвшись внимательнѣе, я увидѣлъ, что мохъ и плѣсень покрывали каменные стѣнки и дорожки; длинныя вѣти деревьевъ, образуя фантастическую сѣть надъ мою головою, скрывали узкую полосу неба; сѣть эта пестрѣла самыми разнообразными цвѣтами: здѣсь были пышные кисти цвѣтушихъ миндальныхъ деревьевъ, алѣвшихъ на солнцѣ, апельсиновыхъ, лимонныхъ и вишневыхъ. Весь этотъ пышный цвѣтъ распространялъ въ окружавшей меня сырости такой сильный, одуряющій запахъ, что я принужденъ былъ покинуть это подземелье и взобраться на верхушку *Coni della Fontanella*, такъ какъ чувствовалъ, что задыхался. Здѣсь царила мертвая тишина; солнце поднимало свой огненный дискъ все выше и выше и смягчало острые контуры тѣней; деревья стояли окаменѣлыми, словно мертвые; листья висѣли, какъ схваченные катаплѣсіемъ.

Дорога вилась все выше и выше въ гору, становилась шире и суше, и обивала словно лентой самую верхушку ея; отсюда открывалась вся гигантская панорама Сорренто и весь заливъ Неаполя; громадный амфитеатръ, спускавшійся своими безконечными террасами къ самому морю, представлялъ собою обширный садъ, утопающій въ молодой зелени виноградниковъ, вившихъ свою тонкую, затѣйливую, паутинообразную ткань вдоль дорожекъ, вдоль склоновъ горъ, надъ террасами, деревьями и балюстрадами бѣлыхъ домовъ—вездѣ разстилали они свой зеленый бархатистый коверъ, начиная съ самыхъ верхушекъ горъ и вплоть до моря; здѣсь этотъ блѣдно-зеленый коверъ переходилъ въ голубовато-стальной цвѣтъ воды, а дальше, въ центрѣ залива, отливалъ гладкимъ, словно полированнѣмъ серебромъ.

По ту сторону бухты Салерно горная цѣль внезапно обрывалась; словно разсѣченныя, изуродованныя и придавленныя, горы, на подобіе хаотической массы, спускались къ морю, ко-

торое блестѣло, какъ безпредѣльный бассейнъ ляписъ-лазури; испещренный золотыми полосами, этотъ басейнъ пыталъ подъ яркими лучами весеннаго солнца. Нѣсколько бѣлыхъ чаекъ, опускаясь временами до самой поверхности моря, порывистыми взмахами крыльевъ разсѣкали воздушныя волны; то тутъ, то тамъ виднѣлись бѣлые паруса рыбачьихъ лодокъ, тихо плывущихъ по блестящему голубому сапфиру—въ остальномъ же все, что окружало меня, вся природа была погружена въ глубокую величавую тишину: одна необъятная пустыня, вода и солнце, безконечность и молчаніе.

И здѣсь не было весны.

Я видѣлъ блѣдную и вялую зелень, видѣлъ цветы, лишенные всякаго благоуханія: предо мною нѣма и тумана лежала голубоватая даль—безъ звуковъ, безъ тѣней; природа просыпалась къ новой жизни, но безъ ликованія; нигдѣ не слышалось торжествующаго возгласа весны, нигдѣ не раздавался веселый смѣхъ пробуждающейся жизни, нигдѣ не циркулировали живительные соки, нигдѣ ни страстныхъ желаній, ни ненависти, ни любви! Увы! гдѣ же дивное, таинственное воскресеніе, гдѣ безчисленные ликиющіе голоса, разнообразіе тоновъ и оттѣнковъ нашей славянской весны, нашей родины?

Узкія полосы земли, будто разбросанныя по скалистому грунту, не дышали пробужденіемъ: ни цветовъ, ни зелени, ни жизни; казалось, онъ лежали тутъ, утомленные бесплодною борьбою съ тропической жарой и не-проступными скалами и меланхолично купались въ нагрѣтыхъ полуденнымъ солнцемъ воздушныхъ волнахъ.

Жаркая, давящая грудь весна.

А кругомъ тѣснятся гордыя, непреклонные скалы, устремивъ свои верушки къ однотонному сѣро-голубому небу и любуясь собою въ неподвижной, нѣмой поверхности глубокаго таинственного моря; эти горы служатъ фономъ ландшафта, столь же дикому и угрюмому: нѣкрасивые однобразные дома, матовая зелень низкорослыхъ кустарниковъ, песчаныя отмели и крайне неживописные островки, покрытые кое-гдѣ рѣдко, словно уже высохшою травою.

На печальныхъ, каменныxъ дорогахъ тяготѣтъ никогда ненарушимое—вѣчное молчаніе; развѣ когда вынырнутъ изъ-за блѣдныхъ алоѣ и дикихъ кактусовъ бородатыя головы дикихъ козъ—да иногда появится толпа ребятишекъ, протягивающихъ вамъ руки за милостыней.

Небо безъ тучъ, море безъ движенья, земля безъ тоновъ—глубокая, мертвая тишина, среди которой копошится голодная жизнь, копошится тягостно, болѣзненно, мучительно.

Цѣлый день искалъ я напрасно той воображаемой весны—чудесной, скажочной итальянской весны, о которой мечталъ уже много много лѣтъ подрядъ. Въ Италии нѣть весны; здѣсь она живеть лишь въ сердцахъ поэтовъ, но зато тѣмъ прелестнѣе, тѣмъ чарующе волшебнѣе...

Когда я вернулся въ свой отель, туманъ уже окутывалъ весь амфитеатръ Сорренто—однѣ лишь верушки горъ

Графъ Л. Н. Толстой среди учащейся молодежи въ Москвѣ.

Проводы Л. Н. Толстого на Курскомъ вокзалѣ въ Москвѣ.

да зеркальная поверхность бухты продолжали мерцать и отливать разноцвѣтными огоньками.

„ФЕЯ ЛАСКА“.

(Сказка).

Не въ пышныхъ хоромахъ, не въ сказочномъ хрустальномъ замѣ, а въ густомъ, дѣственномъ лѣсу, подъ тихой шелестъ и шопотъ деревьевъ, на вѣтвяхъ мошнаго, столѣтнаго дуба... родилась, вздохнула тихо, радостно улыбнулась и открыла свои чудные, бирюзовыя глазки, юная и прелестная, какъ майское утро. фея Ласка... Легкая, какъ вздохъ, нѣжно-прекрасная, какъ лепестокъ розы, вся осѣщенная золотистыми лучами солнца, она удивленнымъ, очарованнымъ взглядомъ окунула таинственно скаженный лѣсъ, любовно провела ма-

ленькой ручкой по листкамъ вѣтви стаго дуба, и, вся обвитая роскошной волной золотистыхъ волосъ, трепещуща и радостная, тихо спустилась на зеленую бархатистую травку и нѣжнымъ поцѣлуемъ прильнула къ яркимъ обрызганнымъ утреннею росою цвѣтамъ.

Фея Ласка мягкой и прозрачной одеждой задѣла гибкую вѣтку березы и, обрызгнная ея же росою, вся загорѣлась и заискрилась, будто драгоценными алмазами.

Шаловливымъ поцѣлуемъ она разбудила пеструю бабочку, коснувшись губами головокъ яркихъ цвѣтовъ, и, еще болѣе прекрасная, еще болѣе сияющая, спустилась она на землю, къ людямъ...

Дивная, радостно всѣми принятая, съ чарующей улыбкой на устахъ, она явилась къ нимъ и, всѣми любимая, всѣми обожаемая, уже осталась навсегда между ними.

И съ той поры легче и радостнѣй стало жить людямъ.

Злоба, тяжелое Горе и Забота исчезали при ея появлѣніи, и даже взрослые, ожесточенные жизнью люди, радостно протягивали ей усталыя—рабочія руки и, согрѣтые ея поцѣлуемъ и лаской, словно замирали подъ ея взглядами.

И добромъ милая Ласка, счастливо улыбаясь, тихо благословляла ихъ и снова спѣшила туда, гдѣ ждали ее угнетенные и измученные жизнью люди.

Она нѣжно, съ любовью, склонялась надъ колыбелью спящаго малютки, тихо цѣловала его ясный и чистый лобикъ, и онъ, не просыпаясь, сквозь сонъ улыбался ей прелестной невинной улыбкой.

Но когда горько, очень ужъ горько становилось ей, она опускалась въ самый отдаленный, самый сиротливый уголъ бѣднaka, и, встрѣчая радостныя обѣйтія, добрые, милые взгляды, разъ улыбнулась могучему, старому дубу и, вся залитая золотистымъ лучомъ восходящаго солнца, поднялась высоко, высоко надъ дремучимъ лѣсомъ, навстрѣчу бѣлоснѣжнымъ облачкамъ, и словно растаяла, расплылась въ осѣпительныхъ лучахъ солнца.

А лѣсъ зашумѣлъ и зашепталъ.

Чуть слышный, чуть замѣтный вѣтерокъ пронесся и заколыхалъ верушки деревьевъ. Словно прощалася,—словно тяжело вздохнулъ старый лѣсъ и, грустно закачавъ своими верушками,—затихъ.

И только долго еще шелестѣла и трепетала вѣтка осиротѣлого дуба отъ поцѣлуя дивно прекрасной феи Ласки.

Прошли годы.

Давно исчезъ и сравнялся съ землей когда то дремучий, сказочно дивный лѣсъ, и тамъ, где шелестѣли и шептали могучія вѣти деревьевъ, тамъ, гдѣ струились студеные прозрачныя какъ слезы ключи,—тамъ тянулась безконечная, палимая солнцемъ пустыня, и только песокъ да сѣрый булыжникъ уныло блестѣли на солнцѣ.

Время ушло...

Лѣса не стало. А фея Ласка, все такая же чудная, все такая же юная, до сихъ поръ еще живеть среди людей на землѣ...

Еще тогда, давно, давно, вдали отъ лѣса, въ чужеземной далекой странѣ, вмѣстѣ съ легкимъ облачкомъ снова оживала она и, улыбаясь своею кроткой улыбкой, радостно простирала къ нимъ руки.

И часто подъ ея поцѣлуемъ и лаской прояснялись самые хмурые, недовольные люди; подъ ея ласковымъ

Памятникъ И. Федорову,

первопечатнику, открытый на днѣхъ въ Москвѣ.

Докторъ О. П. Гаазъ,
памятникъ которому на днѣхъ открытъ
въ Москвѣ.

взглядомъ забывались нужда и горе,— исчезала печаль, а она, радостная и великая своей силой, наклонялась къ нимъ съ послѣднимъ поцѣлуемъ, и шептала:

„Будьте честными, будьте добрыми, будьте хорошими, и я не покину васъ.

Я снова приду, снова разгоню вашу печаль и заботу, облегчу наболѣвшее сердце и своимъ нѣжнымъ, любящимъ поцѣлуемъ осушу ваши горькія неутѣшныя слезы...“

Такъ шептала фея Ласка, тихо погдѣмаясь и исчезая въ золотистыхъ лучахъ голубого лазурного неба...

Тамара Криштофовичъ.

Смерть солнца.

(Leconte de Lisle).

О, вѣтеръ осени! Подобный шуму водъ,
Онъ, точно полный медленныхъ про-
шаній,

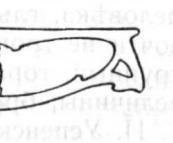
Кружить увядшихъ листьевъ хоро-
водъ
Вдоль озаренныхъ краснымъ солн-
цемъ зданій.

Въ водахъ рѣки багряный блескъ
плыветъ:
To въ зеркалѣ ритмичныхъ колы-
ханій
Багряный отразился небосводъ
И солнце въ часъ его осеннихъ уми-
раній.

Умри, о солнце, яркий дискъ огня!
Тебя уже забыло лено дня,
Какъ грудью мертвю моей любовь
забыта.

Уйди! Ты вновь придешь и разоль-
ешь свой свѣтъ.

Но моему огню возврата нѣть.
О, сердце! ты въ послѣдній разъ
разбито.

К. Д. Далматовъ,
по случаю 25 лѣтія его дѣятельности
по собранію русского народного узор-
наго творчества.

Памятникъ на могилѣ Г. И. Успенскаго.

Когда приходится бывать на Волковомъ кладбищѣ, въ той части его, которая именуется литераторскою, уходишь всегда оттуда съ тяжелымъ чувствомъ. Много тамъ великихъ могилъ, но еще больше великаго запустѣнія.

Скрипятъ подъ ногами старенькие мостки, надъ головой высокія, тонкія березы съ вороньими гнѣздами, а по сторонамъ памятники, рѣшетки, кресты. И на всемъ лежитъ тусклая, сѣрая печать заброшенности: могилы обросли сорной травой, рѣшетки полуразрушены, вѣнки измѣты, на памятникахъ слой пыли, гниющей листвы.

Въ особенности поражала своимъ заброшеннымъ видомъ могила Глѣба Успенскаго. Стоялъ простой деревянный крестъ, обветшалый, потрескавшися, прикрытъ плаками къ рѣшеткѣ. Рѣшетка грубой топорной работы, окрашенная грунтовой желтой краской; сорванныя съ петель дверцы, полуосыпавшіеся вѣнки.... Жаль было смотрѣть на мѣсто вѣчнаго успокенія глубокаго искателя правды жизни.

Теперь этотъ грѣхъ забвенія передъ памятью великаго писателя искупленъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ на могилѣ Г. И. Успенскаго поставили прекрасный художественный памятникъ.

На площадкѣ, обнесенной цѣпной рѣшеткой, лежитъ большая, въ ростъ человѣка, глыба желтаго песчаника, почти не тронутая рѣзцомъ. И на ней крупный, гораздо больше натуральной величины, бронзовый поясной бюстъ Г. И. Успенскаго.

Писатель облокотился на глыбу, какъ на столъ. Одна рука лежитъ на камнѣ; другая поднята вверхъ—и въ ней карандашъ. Выраженіе измученнаго, нервнаго лица передано удивительно хорошо. Характерныя морщинки между слегка приподнятыми бровями, глубокій, сосредоточенный, устремленный куда то далеко взглядъ. Кажется, будто писатель на минуту оторвался отъ работы и задумался, ищетъ яркаго образа, нужнаго слова, чтобы запечатлѣть на бумагѣ большую, трепетно бьющуюся въ сознаніи мысль. Сейчасъ вотъ рука опустится и побѣжитъ по бумагѣ, быстро, нервно набрасывая ряды строкъ, едва успѣвая за творческой работой мысли.

Это, несомнѣнно, самый лучшій изъ надгробныхъ памятниковъ Волковомъ кладбищѣ. Работа Шервуда. Рисунокъ смѣлый, мазки яркіе, широкіе, почти небрежные. Нѣтъ обычной въ такихъ случаяхъ зализанности, ког-

Памятникъ Глѣбу Успенскому,
открытый на Волковомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ.

да лицо и фигура кажутся такими гладкими, чистенькими, словно ихъ только что покрыли густымъ слоемъ лака. Памятникъ производитъ впечатлѣніе большой жизненности, яркой художественной правды.

На памятникѣ нѣтъ никакихъ надписей. Ясно и безъ нихъ, чье лицо, чья фигура, кто былъ этотъ задумчиво склонившися на глыбу человѣкъ. И не успѣли еще покрыть пьедесталь надписями безпощадные „почитатели таланта“.

Въ оградѣ нѣсколько вѣнковъ; среди нихъ выдѣляются два—отъ „Русскихъ Вѣдомостей“ и отъ тамбовцевъ съ яркой, выразительной надписью:

„Мученику своего таланта и любви къ народу“.

Побольше бы такихъ памятниковъ надъ могилами почившихъ апостоловъ слова, и тогда „Литераторскіе мостки“, гдѣ столько великихъ и славныхъ могилъ, не поражали бы посетителей своей заброшенностью.

П. Ш.

СМѢСЬ.

300-лѣтіе зрителной трубы.

Въ первыхъ числахъ августа исполнилось триста лѣтъ со дня примѣненія Галилеемъ устроенной имъ зрителной трубы. Описаніе этого достопри-

мѣчательнаго событія, происшедшаго на площа-ди св. Марка въ Венеции, сохранилось въ сообщеніи прокура Джеронимо Пруили, который раз-сказываетъ о томъ, какъ онъ въ августѣ 1609 года вмѣстѣ съ Галилеемъ и другими лицами взошелъ на *Campanile San Marco*, чтобы видѣть чудеса и необыкновенное дѣйствіе такъ называемой „трубы Галилея“. Вотъ какъ онъ описываетъ самый инструментъ.

„Въ небольшой трубѣ находилось два стекла, изъ нихъ одно выгнутое; когда приближали ее къ глазамъ, каждый изъ насъ ясно видѣлъ башню, куполь и фасадъ церкви *Santa quistina* въ Падуѣ. Были также видны люди, шедшіе въ церковь *San Giacomo* въ Морана и затѣмъ выходившіе оттуда; и были видны люди, садившіеся въ гондолы, а также съ необыкновен-ной отчетливостью было видно все происходившее въ лагунахъ“. Весь мате-риалъ, необходимый для устройства трубы, Галилей получилъ изъ Голландіи.

Организованное людоѣдство.

Въ Камерунѣ, у племени макасовъ, существуетъ людоѣдство и въ очень организованной формѣ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ въ „Univers“ капитанъ Доминикъ, посланный туда для наказанія возставшихъ туземцевъ. Тамъ человѣкъ играетъ роль животнаго, предназначенаго на убой. Въ Камерунѣ человѣка откармливаютъ, какъ въ Европѣ быка, и состоятель-ные люди, когда къ нимъ приходятъ неожиданно почетные гости, убиваютъ для приема ихъ человѣка, какъ въ Европѣ это дѣлаютъ съ домашней птицей.

ЦИНКОГРАФІЯ „Южнаго Края“

Харьковъ, Сумская, 13,

принимаетъ всевозможнаго рода
заказы на клише.